

Газета Георгиевского храма г. Долгопрудный Сергиево-Посадской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»
Издается по благословению Преосвященнейшего Фомы, епископа Сергиево-Посадского и Дмитровского.

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА. ЛЮБОВЬ, ЖДУЩАЯ ОТВЕТА

Размышления протоиерея Павла Великанова о глубинном христианском смысле творческой вершины Рублева – иконе Святой Троицы.

Перед иконой Святой Троицы Андрея Рублева можно стоять часами. Разве эта икона, с неземной гармонией цветов и линий, глубоким внутренним покоем ангельских ликов, не шедевр изобразительного искусства?... Но почему именно этому изображению было суждено стать выразителем православного учения?

Очевидно, здесь дело не только в непревзойденном мастерстве кисти художника. Разве мало в мире шедевров? Иконописец удивительным образом смог прикоснуться к глубокой тайне — тайне Бога.

Христианское благовестие сказало о Боге такое, чего не мог ожидать никто: Бог Один, но Он — не одинок! Он есть Троица: Отец, Сын и Святой Дух, но не три бога в Троице. Лица не разделяют на части Божественную Сущность: здесь Три есть Одно, а Одно рав-

няется Трем!

О чем же ведут беседу Три Божественных Лица, изображенные Рублевым в круге вечности? Протопоп Аввакум в начале своего «Жития» размышляет над

этим Предвечным Советом. Отец говорит Сыну: «Создадим мир!», и Сын отвечает: «Да, Отче!». «Но этот мир, — продолжает Отец, — отпадет от своего пути, и для того, чтобы его спасти, Тебе придется стать человеком и умереть». «Да будет так!» — говорит Сын...

И если люди не могут ве-

рить в то, что три Лица Святой Троицы составляют одно Божественное существо, то потому только, что они враждуют друг с другом и думают, будто всякий человек или вообще всякое живое существо противно другому, мешает ему. Но ведь случается порой, что враждебное чувство противоположности уходит, борьба людей отступает. Тогда их сердца наполняются любовью друг к другу, они радуются своей близости так, что им не тесно, а радостно вместе, как будто бы у них одна душа, одна жизнь, и как хотелось бы, чтобы так оставалось вечно!...

Икона Святой Троицы, написанная Андреем Рублевым, не есть только шедевр изобразительного искусства. Иконописец смог отразить в ней глубочайшую христианскую истину: Бог не только есть Вечная Любовь Трех Лиц. Эта любовь обращена к человеку, она зовет внутрь Предвечного Совета!

Продолжение на след. стр.

Именно это выражено в композиции иконы, при которой смотрящий ощущает себя как бы внутри круга обращенных к нему Божественных Лиц. Ведь Бог, в которого верят христиане, не есть Главный Надзиратель, или тем более, Великий Мститель. Он есть Любовь, которая смотрит в глаза — и ждет вашего ответа.

https://foma.ru/troitsa-andreya-rubleva.html?_gl=1*kawquz*_ga*YW1wLU1VbDZ2R2hKOWRSWT_hGY1hlZHVBcXJ1YTFLSGRydDJoSlRoZ25jWjJPVlpzTlJaTHR4NGtDUjdUM25KYW5CWnU

ТЯЖЕСТЬ ПРАВИЛА ИЛИ РАЗГОВОР С ОТЦОМ?

«Книга о молитве. Тяжесть правила или разговор с Отцом?», выпущенная издательством «Никея», является в некотором смысле результатом опыта моей священнической жизни, христианской жизни. Тем самым опытом, который, в принципе, бывает у любого человека, недавно ставшего христианином. Ведь мы все в большинстве своём «неофиты», нашедшие Христа самостоятельно через личный опыт, какое-то особенное событие в своей жизни, через встречу с какими-то другими людьми.

С другой стороны, наше неофитство характерно тем, что мы живём в парадигме любования прошлым. Мы идём, как нам кажется, вперёд, но голова наша повёрнута назад. И мы всё время увлекаемся вопросами: как правильно? как нужно? что важно? какая традиция? Как стать христианином, повторив всё то, что было до нас сделано, пройти той же дорогой, которая пройдена до нас? Нам кажется, что этот путь очень правильный, безошибочный. Что придумывать-то, когда уже отцы Церкви столько про молитву написали, про аскетику, про Священное Писание. Нам стоит только правильно это всё воспринять и так дальше жить, тиражируя, копируя, повторяя то, что уже есть.

И это становится для многих христиан тупиковой формой, потому что человек попадает в бесконечный богослужебный и религиозный круг, который сам себя воспроизводит. Мы живём от Пасхи до Пасхи. От поста к посту, повторяя тот же самый пост, который был для нас всегда. Ходим на те же самые богослужения, читаем те же самые утренние и вечерние молитвы, знаем, как готовиться к исповеди и причастию, и жизнь у нас всех в этом смысле совершенно одинаковая.

Но эта жизнь – горизонтальная. И она проходит таким образом, что человек может всю жизнь ходить в церковь и так и не найти своего собственного языка для разговора с Богом.

Но ещё более тревожно – он может Бога никогда не услышать, потому что даже не ставит такой задачи. Потому что ему кажется, что когда он какие-то молитвы читает, то это и есть молитва. А то, что это разговор с Богом, в котором каждый должен быть услышан, даже в голову многим не приходит. Поэтому многие люди и тоскуют в Церкви, разочаровываются, расцерковляются (такое слово появилось), устают от внешней церковной жизни, так и не получив живительной пользы для самого себя.

Как найти настоящую молитву, не живя в монастыре

Одной из больших проблем является наше отношение к молитве, неумение молиться, боязнь сво-

боды в молитве.

Поэтому я все эти мысли и переживания решил записать и найти какой-то ответ для самого себя и для тех людей, которые ищут настоящую молитву, не будучи монахами, не живя в монастыре, не имея специального устройства (когда человек с утра до вечера посвящает себя определённым формам молитвы – ведь это и является образом жизни монаха).

Мы, понятно, совсем

другие люди, у нас не может быть монашеской молитвы, и мы не должны иметь монашеского устройства. Тем не менее все формы богослужения, все формы молитвенных правил и канонов у нас являются формами именно монастырских практик в немного переработанном виде.

Но даже если мы начнём разбирать утреннюю молитву, мы увидим, что она начинается с тропарей, которые читаются на полунощнице, и т.д. И даже когда мы начинаем свою собственную, личную молитву, мы слово «я» в этой молитве практически не говорим.

«Прииди и вселися в ны». Почему в «ны», то есть по-русски «в нас»? Каких «нас»? Где эти «мы»? Стою «я» перед Богом сегодня в эту минуту. Не в каких-то «ны» надо вселиться, а вот в меня. Хочу ли я этого всерьёз? Не боюсь ли я этого по-настоящему? Есть ли во мне какое-то место для того, чтобы Он пришёл и в меня вселился?

А когда я встану перед Богом и всерьёз скажу: «Приди ко мне, вселись в меня» – в этот момент мне становится страшновато, потому что какое же надо иметь дерзновение и даже наглость, чтобы так обращаться ко Святому Духу! Вот Он придёт и вселится, и что ты будешь с этим делать, как ты должен после этого жить?

И вот когда начинаешь думать о том, что твоя молитва – это твои отношения с Богом, это твоя ответственность за каждое слово, тогда ты начинаешь осознавать: а почему я говорю «ны», «мы»? а зачем весь этот огромный корпус молитв, который я утром и вечером бесконечно повторяю? Может быть, что-то надо менять, может быть, молитвенное правило существует не для того, чтобы я его всё время повторял?

Мне 17 лет – я читаю одно и то же молитвенное правило; мне 25 лет – я читаю одно и то же молитвенное правило; я женился, у меня дети – а я всё читаю одно и то же молитвенное правило; я уже пенсионер – а я всё читаю одно и то же молитвенное правило?...

Что же, во мне ничего не поменялось? Моя молитва, она не живая что ли совсем? Или что-то это молитвенное правило должно мне давать иное?

Может быть, это правило существует не для того, чтобы его воспроизводить в течение всей своей жизни каждый день утром и вечером, а для того, чтобы оно мне дало какое-то направление, форму, некоторый опыт сосредоточенности, некоторую дисциплинированность и не более того?

А сама молитва, может быть, должна быть живой, изменяющейся, ищущей, свободной, творческой?

И вот об этом, мне кажется, нам надо подумать, в этом признаться, как-то вздохнуть и начать искать свой собственный молитвенный опыт.

Почему у большинства православных христиан нет опыта личной молитвы своими словами?

Потому что мы не знаем Бога. А говорить с незнакомыми бывает очень тяжело. И вообще, когда мы ищем язык для разговора, мы же понимаем, что мы по-разному говорим с родителями, с подчинёнными, с детьми, с друзьями и с чужими людьми: с разной степенью близости, с разной степенью эмоциональности и, в том числе, разбирая разные слова. А самый простой, чистый и живой разговор происходит с теми, кого мы любим по-настоящему. Иногда для такого разговора и слова-то не очень нужны, лишь молчаливое взаимопонимание, молчаливое соприсутствие.

Но когда речь идёт о молитве как о встрече с Богом, начинается большая проблема. Потому что, когда человек в современном мире обретает «веру», это совсем не значит, что он находит Бога. Потому что прежде всего этот человек сталкивается с религиозным опытом – с опытом хождения в храм, церковного богослужения, устава, церковных правил и порядков. Человеку объясняют, что надо делать, чтобы быть верующим церковным человеком: как поститься, исповедоваться, готовиться к причастию, почему надо причащаться и делать то-то и то-то.

Правил много, они тяжёлые, но очень увлекательные. И человек легко увлекается внешней религиозной формой, ему кажется, что уже всё есть, что

уже он Бога нашёл. Ведь он всё делает правильно: участвует в таинствах, знает Символ веры, даже читает Священное Писание время от времени. Всё нормально, дальше некуда идти, потому что ты уже пришёл куда надо.

Но здесь оказывается такая странная ситуация: всё то, что человек имеет в Церкви, он использует в качестве функции. Т.е. если я молюсь кому-то и чему-то и знаю, как молиться, то это должно мне принести определённую пользу, в том числе духовную. Если я причащаюсь святых Христовых Таин, то причастие должно мне что-то давать. Получается, мы даже Евхаристию представляем как функцию – «я причащаюсь, чтобы мне было духовно хорошо, чтобы я очистился от грехов, чтобы я освятился, чтобы у меня была благодать, чтобы я был с Богом».

А с каким Богом и что это значит для меня – вопрос не задаётся, потому что всё объяснено, с одной стороны, а с другой стороны, есть правила, которые надо выполнять. И поэтому, когда ты приходишь в церковь, священник тебя будет спрашивать не о том, как ты строишь отношения с Богом, не о твоём понимании Бога и самого себя в Боге, а будет спрашивать: «А ты утренние, вечерние молитвы читаешь? А ты все каноны прочёл перед причащением?»

Т.е. и подготовка к Причастию оказывается функциональной: я готовлюсь не потому, что мне хочется подготовиться к Причастию, а потому что я что-то должен вычитать, что-то должен рассказать священнику на исповеди. Всякий раз, когда я подхожу, он должен поднимать или опускать этот «шлагбаум», если я что-то недоделал, недочитал, недопостился и т.д.

А что происходит на самом деле, каковы мои отношения с Богом – этот вопрос в принципе не задаётся, в нём нет даже и нужды.

В 4-й главе Евангелия от Иоанна есть такой момент: царедворец подходит ко Христу и говорит, что просит исцелить его сына, который тяжело болеет. И вдруг Христос говорит странные слова: «Вы не уверуете, пока не увидите чудес».

Мы понимаем, что есть утренние, вечерние правила, но, когда «прижмёт», мы начинаем молиться.

Так что опыт молитвы у нас есть, когда неожиданно нам необходимо что-то у Бога взять, что-то у Бога попросить – с такой очевидностью, что просто земля из-под ног уходит, когда нам обязательно надо, чтобы нас Бог услышал и помог в этой ситуации.

И почему-то Христос говорит: «Вы не уверуете, пока не увидите чудес». А на это Ему царедворец говорит: «Приди ко мне, нужен Ты, не чудеса, а Ты». И вот тут всё становится на свои места, потому что когда мы хотим что-то иметь от Бога, а Самим Богом не интересуемся, то разговаривать с Ним не сможем. И тогда «правила» нас очень выручают: они дают иллюзию, что мы молимся.

Но поскольку мы свою религиозную жизнь строим таким образом, что нам нужно Божие прежде всего, а не Сам Бог, Которого мы не знаем, то поэтому и разговор с Ним у нас не получается. Найти для Бога слова невозможно, пока ты Его Самого не захочешь узнать. А если ты захочешь узнать Самого Бога, с этого твой разговор и начнётся, потому что тогда ты будешь обращаться к Нему как к Личности, Он Сам становится нужным тебе.

И вот когда это с тобой происходит, ты начинаешь молиться так, как нужно. Тебе становится нужным Его слышать, понимать, как-то видеть в обстоятельствах жизни, каким-то образом вразумляться через Него, каким-то образом искать Его правду, не уйти в сторону, не ошибиться. Такая молитва рождается в человеке как нужда в Боге, и такая молитва может оживить даже «молитвенное правило», потому что ты из этого «правила» выберешь для себя то, что действительно поддерживает твоё стремление узнать, и соединиться, и понять, и услышать ответ.

Как вы относитесь к «молитве по соглашению»?

Любая молитва может быть осмысленной, поэтому когда люди собираются на молитву – это очень хорошо в принципе. Но то, что называется

«молитвой по соглашению», я считаю практикой порочной, основанной на каком-то магизме. Принцип, как мне кажется, тут таков: если мы будем собираться постоянно в одно и то же время и читать одну и ту же молитву, то тогда, хочешь Ты, Бог, или не хочешь, мы Тебя «прижмём».

Я понимаю, когда люди с любовью вместе собираются, потому что они разделяют чужую боль, зная друг друга хорошо. Когда они показывают Богу свою любовь как четверо, которые несут расслабленного к ногам Христа. Как те, которые действительно в подвиге молитвенном пытаются представить Богу всю свою любовь друг за друга, – это мне понятно.

А когда совершенно незнакомые люди просто входят в эти группы и всем им надо, например, чтобы кто-то вышел замуж и т.д., начинается какая-то странная форма камланий под видом молитвы, вычитывания каких-то акафистов или ещё чего-то. Мне кажется, это совершенно не про молитву, а про какие-то другие вещи. Потому что, когда мы говорим о молитве («Где двое и трое собраны во имя Моё»), ведь это всё-таки о Церкви речь, о Евхаристии, о некоей общине христиан. Они собираются ради того, чтобы Христос был посреди них. Они собираются ради Царства Небесного, о котором Христос и говорит, что «Царство Небесное посреди вас находится». И это вопрос молитвы общей, церковной, евхаристического собрания,

без всякого сомнения.

Но когда мы предстоим перед Богом, мы предстаём в нашей в личностной сущности: «Я перед Тобой стою, я!» Профессор МГУ Мераб Мамардашвили говорил, что человек всегда ощущает, что Бог создал только его одного, если этот человек как-то с Богом встретился. В этом нет ничего эгоистического, это просто такое ощущение – «я существую для Бога; так, как существую я; я знаю только о себе, а ни о ком другом я знать не могу». И тогда человек к Богу может обратить себя по-настоящему.

А когда люди вообще друг друга не знают, а просто думают: вот соберемся вместе и прочтем общую молитву – и что-то обязательно случится... Мне кажется, что это иллюзия, в этом нет никакой молитвы.

Бог услышит каждого отдельно, не надо вместе

собираться для этого. Бог услышит каждого в любое время, Бог не спит, Бог и так нас слышит. Он не то что слова наши знает, Он каждого из нас знает по имени, каждого из нас знает по чувствам. Но мы должны каким-то образом коснуться Его в молитве, и тогда получим то, что необходимо о Нём знать, сможем услышать Его ответ, понять Его немножко, принять Его по-настоящему. По-

тому что, когда мы в молитве просим: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», мы ведь чаще всего представляем такой свежее испечённый, хороший, вкусный хлеб, а не чёрную засохшую корочку. А хлеб Божий может быть и таким, он может быть и корочкой, и её тоже надо принять, эту корочку, от Бога, если ты Его знаешь.

Как вы относитесь к практике Иисусовой молитвы для мирян?

Иисусова молитва вполне приемлема для каждого христианина.

Понимаете, нас постоянно пугают словом «прелесь»: туда не ходи, сюда не ходи; шаг вправо, шаг влево – будет прелесь. А уж сам молиться, своими словами, ты не можешь никак.

То же самое с Иисусовой молитвой: «Ой, попадёшь в прелесь!» Да нет, почему? Если мы возьмём какие-то старые книги, скажем Псалтирь богослужебную, то там даже есть указание (ведь очень многие люди не могли читать Псалтирь в прошлые времена, они были неграмотными): «За Псалтирь ты читаешь сто Иисусовых молитв, потому что неграмотный и других молитв не знаешь».

Прежде Иисусова молитва в практике была достаточно распространена. Потом ей придали какой-то сверхмистический характер. Но мне кажется, что эти практики своеобразные, и нас вообще не касаются. А вот просто Иисусову молитву читать

очень хорошо. Человек может заменять Иисусовой молитвой свои утренние и вечерние правила. Устал читать каноны, взял в руки чётки и внимательно, тихонечко, сердечно прочитал 50 Иисусовых молитв.

А можно эти Иисусовы молитвы как-то изменять? Не всегда говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», а, например, увидев своё сердце, говорить: «Господи, Иисусе Христе, Боже мой, научи меня любить», и вот так вот повторять? Или какой-нибудь другой фразой короткой богослужебной, например, из светильников (церк. песнопения – прим. ред.) Великого поста: «Свет сый, Христе, просвети мя Тобою».

И вот это всё тоже будет Иисусовой молитвой – по чёткам, с вниманием, с желанием.

И так же можно молиться Божьей Матери, Ангелу-Хранителю. Можно говорить: «Помилуй мя, грешного», а можно как раз тут говорить: «Помилуй нас, грешных», когда ты включаешь в свою молитву тех, кого ты хочешь, даже не называя по имени. Например, тех, кого я не люблю, или тех, кто не любит меня.

И в этом смысле Иисусова молитва может очень оживить твой разговор с Богом, потому что она направлена на имя Христово – личность с Личностью встречаются в этот момент.

Второй Ватиканский собор стал толчком к развитию живой церковной жизни. Не нуждается ли Православная Церковь в чем-то подобном?

Второй Ватиканский собор – одно из крупнейших явлений XX века, которое в какой-то момент спасло Католическую Церковь от запредельного формализма и вымирания. Потому что европейские религиозные традиции всё-таки не были разрушены богоборческим государством, в отличие от России. Они просто дошли до какого-то тупика, и все это могло рухнуть без всякого богоборчества, как, собственно говоря, это и происходило в тот период.

Но Второй Ватиканский собор, без всякого сомнения, дал свободу мирянам, именно потому, что миряне в Церкви стали очень важны. Они вернулись, может быть, не до конца ещё, но, по крайней мере, в то первоначальное состояние живой Церкви, Царственного священства, когда миряне становятся живой силой Церкви. Появляются потрясающие мирские движения, которые имеют такую силу, что даже Римские Папы должны к ним серьёзно прислушиваться.

За этот период, например, было канонизировано огромное количество мирян в Католической Церкви, которые прославились служением ближнему. И это вдохновило мирян-католиков на грандиозное служение ближнему в XX веке.

Проблемы и нашей Церкви в том, что есть безгласные и безынициативные миряне, а есть батюшки, которые знают ответы на все вопросы.

И, конечно, в этом смысле в Католической Церкви произошло нечто важное и необыкновенно перспективное. Я думаю, что это одна из величайших вещей, которые в нашей Церкви необходимо реформировать. Необходимо развернуть священника лицом к Церкви, как это сделали католики. Не в том смысле, что надо служить Литургию лицом

к народу, – это, собственно говоря, ничто не поменяет. А вот развернуть священника лицом к мирянам и вообще «спуститься с амвона», признать равенство нашу перед Богом, абсолютную нашу равенство. Ведь кто сказал, что священник духовнее, умнее, опытнее, чем мирянин?

Маленький пример. Как молится священник и как молится мирянин? Как постится священник и как постится мирянин? Как священник готовится к Литургии и как к Литургии готовится мирянин? Никто ведь священника не спрашивает перед служением Литургии: «Ты три канона читал, ты три дня постился, ты утренние и вечерние молитвы вычитываешь?» Нет: «Я же священник, я сам решу, как мне молиться, как мне поститься, что мне вычитывать или ничего не вычитывать. Но я имею право не пустить кого-то к Причастию. Я имею право кому-то задавать какие-то вопросы на исповеди. И мне решать, кто ты, имеешь ли ты право на что-то в Церкви». Но почему?

Это безобразия, я считаю, так мы дальше жить не можем, это должно как-то поменяться, в том числе если сами миряне этого захотят. Потому что быть вот таким безответственным большинством в Церкви: ни за что не отвечать, ни на что не влиять, никаким образом не брать на себя ответственность, задавать вопросы священнику на радио «Радонеж», покупать книжки «1580 ответов священника на все вопросы» – это, конечно, очень удобная позиция, но абсолютно безжизненная. И с этой позицией Церковь не будет двигаться вперёд, это стояние на месте или движение с головой, повёрнутой в прошлое.

Мечтаю ли я о подобном Соборе в Православной Церкви? Скажем так: мне бы хотелось, но я об этом не думаю и не мечтаю.

Почему? Потому что у меня есть своё дело, у меня есть место, в котором я пребываю, есть то, что я могу делать сегодня и сейчас, и, если у меня хоть немножко это получается, – это хорошо. Если у меня это не получается, то будет этот Собор или не будет, – мне уже не важно.

Если смысл молитвы в отклике, то почему, когда я молюсь, утешение не приходит?

Мне вспоминается рассказ митрополита Антония Сурожского. Будучи ещё священником, он попал в семью, где умирала маленькая девочка. И её бабушка, которая пригласила священника, чтобы он причастил и соборовал ребенка, стала говорить: «Отец Антоний, если Бог не исцелит мою внучку и она умрёт, то я от Него отрекусь, я больше не буду верить». И владыка Антоний на нее кричал: «Каждый день вокруг тебя умирают дети, и тебе абсолютно всё равно, ты от этого почему-то веры не теряешь, а сейчас ты ставишь Богу условие». Это очень жёсткий ответ, но необыкновенно точный. Когда в блокадном Ленинграде смерть царствует над всеми одинаково, как можно ставить Богу условия и каким образом потом можно отворачиваться от Него?

Продолжение на след. стр.

Только по одному условию – тебе Бог не нужен в принципе. И поэтому ты, не получив своего, потому что до остального тебе дела нет, от Него уходишь. А как ты можешь быть утешен, если ты вообще не способен принять от Него то, что происходит сейчас? Если ты оказываешься способным принять это, тогда будешь утешен. А если ты сам ставишь стену между собой и Богом и хочешь быть утешенным, то это довольно странное желание, несбыточное.

Здесь есть ещё одна вещь, тоже связанная с молитвой: Бог человеку нужен время от времени, а в остальные промежутки нашей жизни, очень длительные и большие, Бог «не должен» сильно нас беспокоить. Мы Богу нужны всегда, а Бог нам – время от времени.

И в этом смысле выход из утреннего и вечернего правила необходим ещё и потому, что, если ты нуждаешься в Боге, ты будешь искать время для Бога. Потому что, ну простите меня, утро и вечер – самое неудобное время для молитвы. Хуже времени для молитвы, если ты не монах, быть не может. С утра ты бежишь по делам, и не можешь по-настоящему сосредоточиться, и поэтому молишься быстро-быстро, кое-как. А вечером ты уже не в состоянии сосредоточиться и посвятить себя Богу. И поэтому, если я действительно хочу с Богом побыть, то я должен время найти специальное для Него, выделить в своём дне это время, чтобы побыть вместе с Ним, никуда не торопясь, в эту «клетку» зайти, о которой нам говорит Евангелие от Матфея.

Есть ли вообще что-то ценное в «молитвенном правиле»?

В молитвенном правиле много ценного и полезного. Оно является важным дисциплинирующим моментом, которое выстраивает внутренний человеческий мир.

Молитвенное правило приучает нас к некоему навыку обращения к Богу, потому что человек, в принципе, похож на музыкальный инструмент. Мы сами знаем, что, когда мы в хорошем настроении, – у нас сердце поёт, и люди вокруг нас хорошие, добрые и красивые. А когда мы расстроены чем-то, то всё наоборот: вокруг люди неприятные, смотреть на них не хочется...

И молитвенное правило, в каком-то смысле, это настройка нашего внутреннего музыкального инструмента. Мы подтягиваемся, мы как-то выходим, поднимаем себя с горизонтали. И поэтому само по себе молитвенное правило, выстроенное человеком, есть очень хорошая вещь.

Но надо знать и помнить ещё о том, что говорит о молитвенном правиле святитель Игнатий Брянчанинов. Что говорит Господь о субботе, во всей полноте относится и к молитвенному правилу: не человек для молитвенного правила, а молитвенное правило для человека. Оно должно быть устроено под тебя, а не быть над тобою. Может быть, у кого-то длиннее, у кого-то короче; у кого-то состоять из молитв по молитвослову, у кого-то – из Иисусовой молитвы, у кого-то из псалмов, у кого-то из комбинаций того, другого и третьего. Всё это должно быть по силам в разном возрасте и в раз-

ных обстоятельствах.

Поэтому иногда достаточно очень короткой и внятной молитвы. Как говорит тот же святитель Игнатий: «Пять слов скажи от сердца, но только делай это усердно и действительно регулярно, а не время от времени».

Не то, что захотел – помолился, не захотел – не помолился... Речь о том, что ты себя на молитву подвигаешь, ты в молитве трудишься, молитвенное правило с тобой ежедневно, но оно может быть совершенно разным для каждого из нас.

В ситуации выбора как узнать, на что есть воля Божия?

Мы ошибаемся, когда думаем, что воля Божия должна осуществляться по каждому эпизоду нашей жизни. Вот вышел я из дома сегодня, мне направо пойти или налево – где воля Божия? На метро или на автобусе – где воля Божия? Выходить замуж или не выходить – есть ли на то воля Божия? А причём здесь воля Божия? Воля Божия она вообще-то в вашем устроении слышания Бога, понимания Его и желания следовать за Ним. А вот обстоятельства жизни вы сами выбираете для себя. Вы можете сделать правильный выбор, можете ошибиться, но так все люди живут. Мы на своих ошибках учимся, где-то за свои ошибки начинаем отвечать, где-то, наоборот, нам хватает ума и опыта поступить правильно. Но воля Божия или не воля Божия шнуровать шнурки – это вообще из другой серии. Воля Божия не отвечает ежесекундному вашему выбору, потому что ваш выбор – это не выбор между добром и злом.

А вот что касается выбора между добром и злом, здесь ошибиться опасно, и вот здесь как раз уместно стремление узнать волю Божию. Потому что для человека выбор добра и зла – это его главная экзистенциальная проблема.

Мы думаем, что знаем хорошо, где добро, а где зло, а это совершенно не так. В большинстве своём люди вообще не задаются вопросом «добра и зла», потому что им кажется, что они всё знают. И поэтому они не выбирают между ними, а чаще всего примыкают к уже состоявшемуся коллективному выбору. И чаще всего это выбор большинства, и чаще всего это выбор неправильный и ложный, потому что я лично в нём не поучаствовал. И волю Божию по этому поводу я даже не спросил, я просто примыкаю то к такой воле, то к другой. Буду я консервативом – для меня добро консервативное, буду либералом – для меня добро будет либеральное. Буду я жить в традиционном мире – ценности традиционные будут для меня добром, буду я жить в мире западных ценностей – западные ценности будут для меня добром.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ НА ИЮНЬ

1 (Чт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Великая вечерня, утренья.	Владимирской иконы Божией Матери.
2 (Пт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечернее заупокойное богослужение.	Отдание праздника Вознесения Господня. Обретение мощей свт. Алексия, митр. Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца.
3 (Сб)	7.00, 9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Всенощное бдение, исповедь, панихида.	Троицкая родительская суббота. Память совершаем всех от века усопших православных христиан, отец и братьев наших.
4 (Вс)	7.00 — Божественная Литургия. 9.00 — Божественная Литургия, Крестный ход. 11.00 — Вечерня с чтением коленопреклон- ных молитв. 17.00 — Утренья.	<i>Неделя 8-я по Пасхе. День Святой Троицы. Пятидесятница. Престольный праздник.</i>
5 (Пн)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Великая вечерня, утренья.	<i>Седмица 1-я по Пятидесятнице (сплошная). День Святого Духа.</i>
6 (Вт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Великая вечерня, утренья.	Блж. Ксении Петербургской
7 (Ср)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.
8 (Чт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Апп. от 70-ти Карпа и Алфея.
9 (Пт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Сщмч. Ферапонта, еп. Сардийского.
10 (Сб)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Всенощное бдение, исповедь.	Отдание праздника Пятидесятницы.
11 (Вс)	7.00, 9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Акафист свв. прпп. Оптинским старцам.	<i>Неделя 1-я по Пятидесятнице, Всех святых. Заговенье на Петров пост (Петров мясопуст).</i>
12 (Пн)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Прп. Исаакия исп., игумена обители Далматской. Начало Петрова поста.
13 (Вт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Ап. от 70-ти Ерма. Мч. Ермия.
14 (Ср)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Мч. Иустина Философа и иже с ним.
15 (Чт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Свт. Никифора исп., патриарха Константинопольского.
16 (Пт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Мчч. Лукиллиана и иже с ним.
17 (Сб)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Всенощное бдение, исповедь.	Свт. Митрофана, патриарха Константинопольского.
18 (Вс)	7.00, 9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Акафист блж. Матроне Московской.	<i>Неделя 2-я по Пятидесятнице, Всех святых, в земле Русской просиявших.</i>
19 (Пн)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Прп. Виссариона Египетского, чудотворца. Прп. Илариона Нового.
20 (Вт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Сщмч. Феодота Анкирского.
21 (Ср)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Вмч. Феодора Стратилата.
22 (Чт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утренья.	Свт. Кирилла, архиеп. Александрийского.

23 (Пт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Великая вечерня. Утреня.	Сщмч. Тимофея, еп. Прусского.
24 (Сб)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Всенощное бдение, исповедь.	Апостолов Варфоломея и Варнавы.
25 (Вс)	7.00, 9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Акафист свт. Спиридону Три- мифунтскому.	<i>Неделя 3-я по Пятидесятнице</i> Прп. Онуфрия Великого. Прп. Петра Афонского.
26 (Пн)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утреня.	Мц. Акилины. Свт. Трифиллия, еп. Левкусии Кипрской.
27 (Вт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утреня.	Прор. Елисея. Свт. Мефодия, патриарха Константинопольского.
28 (Ср)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утреня.	Прор. Амоса.
29 (Чт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утреня.	Ап. Андроника и св. Иунии.
30 (Пт)	9.00 — Божественная Литургия. 17.00 — Вечерня. Утреня.	Мчч. Мануила, Савела и Исмаила.

Банковские реквизиты храма:

Местная религиозная организация «Православный приход Георгиев-
ского храма
г. Долгопрудный Сергиево-Посадской епархии Русской Православной
Церкви

(Московский Патриархат)»

КПП 500801001 ИНН 5008018680

Р/С 40703810440260123095

К/С 30101810400000000225

БИК 044525225

ПАО Сбербанк

г. Москва.

**Дорогие братья и сестры! Просим помощи в реставрации Ка-
занского храма! Пожертвования на содержание храма вы
можете перечислить на карту 2202 2062 3641 4830**

Сбербанк Анна Андреевна Д.

Главный редактор: протоиерей Александр Суворкин

Редакционный совет: А. И. Симакова,
молодежный клуб «Звонница».

УЧРЕДИТЕЛЬ: Местная религиозная организация пра-
вославный приход Георгиевского храма

г. Долгопрудный Московской области Московской
епархии Русской Православной Церкви.

Просьба не использовать
газету в хозяйственных целях.

www.georg-prihod.ru
e-mail: georg-hram@yandex.ru
тел. (498) 698-70-36, 698-70-37,
8 (926) 710-57-34

Газета распространяется бесплатно.

